

С.В. Шарапов*

**ЭКОНОМИКА КОЛХОЗНОГО ДВОРА НАКАНУНЕ
И В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ)****doi:10.31518/2618-9100-2025-2-9
УДК 94:338.43(571.14)"1941/1945"*Выходные данные для цитирования:**Шарапов С.В. Экономика колхозного двора накануне и в годы Великой Отечественной войны (по материалам Западной Сибири) // Исторический курьер. 2025. № 2 (40). С. 118–131. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-2-09.pdf>*

S.V. Sharapov*

**ECONOMY OF THE COLLECTIVE FARM YARD
ON THE EVE AND DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR
(BASED ON THE MATERIALS OF WESTERN SIBERIA)****

doi:10.31518/2618-9100-2025-2-9

*How to cite:**Sharapov S.V. Economy of the Collective Farm Yard on the Eve and during the Great Patriotic War (Based on the Materials of Western Siberia) // Historical Courier, 2025, No. 2 (40), pp. 118–131. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-2-09.pdf>]*

Abstract. The economy of the collective farmyard was subordinated to the task of joint survival of all, including disabled members of the peasant family. In accordance with it, functions were distributed within the farmstead and the optimal option of economic behavior was chosen. The article examines the importance of the collective farm as a basic element of the agrarian production system for family survival. In addition, the reverse influence of peasant behavior with its inherent special rationality on the state of the collective farm economy is investigated. The active participation of one or more family members in artisanal production depended on the degree of profitability of such labor inputs and the availability of alternatives (market trade, seasonal wage work, etc.). The state, increasing mobilization pressure on the eve and during the war years, followed the path of restricting alternative ways of earning an income and strengthening coercive measures. The latter made the peasants' struggle for survival more difficult, and therefore they encountered various tactics to save labor costs (imitation of labor, poor quality and untimely performance of work). Despite the fact that the economy of most collective farms was in a deplorable state, it remained vital for the peasant family to maintain a connection with the collective farm. Even if this connection did not mean the desire to work with full dedication, and the family's dependence on collective farm income alone threatened starvation. Belonging to a collective farm opened access to the use of personal subsidiary farms, as well as to integration into inter-family networks of mutual assistance that bound relatives and fellow villagers together. In addition, the weak state control over collective farm products and resources made it possible, albeit in violation of the law, to appropriate a part of them.

Keywords: collective farm yard, peasant family, economic behavior, subsistence ethics, the Great Patriotic War.

* **Сергей Валерьевич Шарапов**, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: sharapovsv1@yandex.ru

Sergey Valerievich Sharapov, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Novosibirsk, Russia, e-mail: sharapovsv1@yandex.ru

** Статья выполнена по теме госзадания «Сибирский социум как фактор территориального роста и единства России (конец XVI – начало XX в.)» (FWZM-2024-0007).

The article was made on the topic of the state assignment "Siberian Society as a Factor in the Territorial Growth and Unity of Russia (Late 16th – Early 20th Centuries)" (FWZM-2024-0007).

The article has been received by the editor on 13.02.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Экономика колхозного двора подчинялась задаче совместного выживания всех, включая нетрудоспособных членов крестьянской семьи. В соответствии с ней распределялись функции внутри дворохозяйства и выбирался оптимальный вариант экономического поведения. В статье рассматривается значение колхоза как базового элемента системы аграрного производства для выживания семьи. Кроме того, исследуется обратное влияние крестьянского поведения с присущей ему особой рациональностью на состояние колхозной экономики. Активность участия одного или нескольких членов семьи в артельном производстве зависела от степени доходности таких трудозатрат и доступности альтернатив (торговля на рынке, сезонные работы по найму и т.д.). Государство, наращивая мобилизационное давление накануне и в годы войны, шло по пути ограничения альтернативных способов получения дохода и усиления принудительных мер. Последние скорее затрудняли для крестьян борьбу за выживание, а поэтому наталкивались на различные формы пассивного сопротивления (имитация труда, некачественное и несвоевременное выполнение работ). Несмотря на то, что экономика большинства колхозов находилась в плачевном состоянии, для крестьянской семьи сохранение связи с артелью оставалось жизненно важным. Пускай эта связь и не означала желание работать с полной самоотдачей, а зависимость семьи только от колхозных доходов грозила голодной смертью. Принадлежность к колхозу открывала доступ к пользованию личным подсобным хозяйством, а также к интеграции в межсемейные сети взаимопомощи, скреплявшие родственников и односельчан. Кроме того, слабый государственный контроль над колхозной продукцией и ресурсами позволял, хотя и в нарушение закона, присваивать себе их часть.

Ключевые слова: колхозный двор, крестьянская семья, экономическое поведение, этика выживания, Великая Отечественная война.

Статья поступила в редакцию 13.02.2025 г.

Введение. В 1930-е гг. колхозы и совхозы стали основой аграрного сектора экономики СССР. Коллективизация позволила государству установить контроль над производством и распределением большей части продовольствия в стране, что давало в условиях войны весомое стратегическое преимущество. Успех политики мобилизации сельских ресурсов зависел от экономического поведения самих колхозников. В основе их мотивации лежала простая и понятная цель: обеспечить себе и своим семьям минимальный уровень дохода, достаточный для выживания. В тех случаях, когда артельные заработки не удовлетворяли базовых потребностей, крестьяне, оставаясь хозяевами своего труда, активно искали сторонние возможности его применения. Последнее утверждение связано с опорным для данного исследования тезисом, который заключается в признании экономической агентности крестьянского двора. Семья по собственному усмотрению распределяла трудовую нагрузку среди своих членов и искала оптимальные пути получения необходимого для выживания дохода.

Об экономическом положении крестьянства во время войны писалось неоднократно. В разработку данной темы в разные годы внесли вклад Ю.В. Арутюнян¹, Г.Е. Корнилов², М.С. Зинич³, В.П. Мотревич⁴ и др. Применительно к западносибирскому макрорегиону стоит

---

¹ Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970.

² Корнилов Г.Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск, 1990.

³ Зинич М.С. Будни военного лихолетья, 1941–1945. Вып. 1. М., 1994.

⁴ Мотревич В.П. Вклад в Победу: сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 2021.

выделить обобщающую монографию В.Т. Анискова, в которой освещены многочисленные аспекты жизни колхозной деревни, в том числе условия труда, размеры и источники дохода, слагаемые бюджета крестьянской семьи⁵. Интересными представляются статьи барнаульского историка А.И. Рыкова, который использовал собранные во время экспедиций воспоминания крестьян Алтайского края об условиях тыловой жизни и практиках адаптации к ним⁶. Уже имеющиеся в историографии наработки открывают дальнейшие перспективы в изучении темы выживания крестьянства в годы военного «лихолетья». На наш взгляд, объяснение многих аспектов их экономического поведения кроется в социальной жизни, первичным сегментом которой была семья.

Цель данной статьи – выяснить, насколько экономика крестьянского двора в действительности зависела от участия в колхозном производстве, какую роль играла артель в выживании семьи, а также какие сторонние формы экономической активности были доступны селянам. Анализ этих аспектов невозможен без реконструкции политики государства в отношении крестьян, которая приобрела новый импульс накануне войны. Нижнюю хронологическую рамку исследования мы определяем 1939 г., когда власть, готовясь к возможной большой войне, перешла к усилению мобилизационного нажима на деревню.

Доходы и занятость крестьян накануне войны. К концу 1930-х гг. власть столкнулась с рядом проблем в аграрном секторе экономики, связанных с низкой заинтересованностью колхозников в участии в артельном производстве и перетеканием трудовой активности за его пределы. Тревогу вызывала тенденция к превращению ЛПХ в рентабельные товарные хозяйства, которые ориентировались на продажу продукции (овощи, ягоды и фрукты, мед и пр.) на колхозных рынках. С точки зрения власти предприимчивые крестьяне паразитировали на артельных ресурсах: они незаконно прирезали к приусадебным участкам земли обобщественного фонда, пользовались при распахке колхозными лошадьми и техникой, при этом не участвуя в артельных работах. Это воспринималось как угроза самому проекту коллективизации, который был рассчитан на максимальную концентрацию труда в колхозах.

Во время майского пленума ЦК ВКП(б) 1939 г. И.В. Сталин обрисовал мрачную для большевиков перспективу отката к мелкотоварному крестьянскому производству: «Если так и впредь будем волочиться за событиями, а не руководить, то лет через 30–40 мы получим такую картину, что колхозы распадутся, вместо колхозов образуются хутора, новые индивидуальные хозяйства, числящиеся в составе колхозов, у которых общественного поля либо вовсе нет, либо очень мало осталось, не требуется тракторов, потому что на мелких полях тракторам нечего делать, не требуется много молотилок, комбайнов, общественного труда, ибо он сам у себя сидит королем на своем приусадебном участке и возвращается к индивидуальному крестьянскому хозяйству, хозяйству полунатуральному или вовсе натуральному»⁷.

Показателем вероятности описанного И.В. Сталиным сценария было значительное количество колхозников, которые либо не имели трудовой совсем (в 1937 г. их насчитывалось 10,4 % по Союзу), либо выработали от 1 до 50 трудовых (21,2 %)⁸. Это свидетельствовало о переключении трудовой активности на ЛПХ и индивидуализации сельскохозяйственного производства. Секретарь и заведующий сельхозотделом ЦК ВКП(б) А.А. Андреев во время совещания с секретарями обкомов и крайкомов 8–9 мая 1939 г. отмечал высокую доходность подсобных хозяйств: «Половина гектара земли приусадебной дают иногда несколько тысяч дохода, а в овощных районах или в садоводстве, или в вино-

⁵ Анисков В.Т. Жертвенный подвиг деревни. Крестьянство Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1993.

⁶ Рыков А.В. Социальная структура сельского населения Алтайского края в годы Великой Отечественной войны: состав, правовое и материальное положение // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2019. № 3 (23). С. 121–131; Рыков А.В. Торговля крестьян периферийных районов Алтайского края в соседних регионах как адаптационная практика в годы Великой Отечественной войны по материалам устной истории // Исторический курьер. 2020. № 5 (13). С. 187–195. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-5-16.pdf> (дата обращения: 07.02.2025).

⁷ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. М., 2006. Т. 5: 1937–1939. Кн. 2: 1938–1939. С. 417.

⁸ Там же. С. 419.

градарстве дают более десятка тысяч дохода, т.е. доход от приусадебного участка в несколько раз превышает доход по трудовням. <...> Между тем этот доход, получаемый от личного хозяйства, плюс животноводство, никак не облагается»⁹.

Опасаясь углубления негативных для колхозной экономики тенденций, которые ставили под сомнение будущее проекта коллективизации, власть в конце 1938 г. запустила кампанию по борьбе с нарушениями устава сельхозартели. Этим документом ограничивались размеры ЛПХ: в зависимости от специфики района они колебались от 0,25 до 1 га. Для Западной Сибири допустимые нормы устанавливались следующим образом: в районах с животноводческой специализацией – от 0,8 до 1 га; в зерновых районах – от 0,5 до 0,8 га; для колхозов, располагавшихся в 25-километровой зоне городов с развитой промышленностью, – от 0,25 до 0,5 га¹⁰. Целый ряд постановлений СНК СССР и ЦК ВКП(б) («О нарушении Устава сельскохозяйственной артели в колхозах Белорусской республики» от 4 декабря 1938 г., «О нарушении Устава сельскохозяйственной артели в колхозах» от 21 января 1939 г., «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» от 27 мая 1939 г.) разворачивал в регионах кампанию по обмеру всех приусадебных хозяйств, сопровождавшуюся изъятием незаконно прирезанной земли и конфискацией скота, если его поголовье превышало установленные для ЛПХ нормы. Тогда же, в 1939 г., был введен обязательный минимум трудовых для колхозников (в количестве 80 для регионов Западной Сибири).

С целью ограничения доходности подсобных хозяйств и увеличения поступлений в бюджет с 1939 г. был повышен сельхозналог, взимаемый с подсобных хозяйств. Теперь они облагались по тому же принципу, что и единоличные. Были определены нормы доходности с одной головы продуктивного скота, с одного гектара каждого вида посевов и от использования рабочего скота в хозяйстве. Налогообложение строилось по прогрессивной шкале: чем выше совокупный доход с ЛПХ, исчисляемый по нормам, тем выше была ставка налога. В результате колхозники стали платить значительно больше. Например, в Новосибирской области общая сумма налога в 1939 г. выросла по сравнению с 1938 г. в 2,2 раза¹¹.

Об источниках денежных доходов колхозного двора, которые шли, в том числе, на уплату сельхозналога, можно судить на основе бюджетных обследований. В 1939 г. в Алтайском крае средний денежный доход на один колхозный двор составлял 1 988 руб. В этой сумме заработок от работы в колхозе равнялся 432 руб., от работы по найму и в МТС – 361 руб., от продажи продуктов – 814 руб. Доля от колхозной работы составляла всего 22 %. В Новосибирской области средний доход определен в 1 685 руб. В том числе: заработок от работы в колхозе – 258 руб., от работы по найму и МТС – 182 руб., от продажи продуктов – 949 руб. Доля от колхозной работы составляла 15 %¹².

Бюджетные обследования дают некоторое представление и о структуре расходов колхозной семьи. В 1940 г. в Новосибирской области на покупку скота, птицы и пчел один колхозный двор израсходовал в среднем 173,8 руб. (7,7 % от всех расходов), на постройки и сельхозинвентарь – 58,5 руб. (2,0 %), на транспорт и живую тяговую силу – 24,2 руб. (1,1 %), на оплату пастухов – 5,8 руб. (0,3 %), а на все производственные нужды – 262,3 руб. (11,7 %). Расход на покупку продуктов питания составил 433,9 руб. (19,3 %), в том числе печеного хлеба и макаронных изделий – 22,9 руб. (1,0 %), на покупку промтоваров – 1078,4 руб. (48,1 %), на культурные нужды – 10,9 руб. (0,5 %), на налоги и сборы – 137,2 руб. (6,1 %), в том числе на уплату сельхозналога – 76,7 руб. (3,4 %)¹³.

Если денежные заработки от работы в колхозе действительно составляли малую часть в бюджете семьи, то зависимость от натуральных доходов была значительно сильнее. Привя-

⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 123. Д. 18. Л. 3.

¹⁰ Аграрная политика советского государства и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг.: документально-монографическое издание. Новосибирск, 2011. С. 542.

¹¹ Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск, 2004. С. 61.

¹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 77. Л. 4.

¹³ Там же. Л. 12.

занность крестьянского двора к колхозу определялась, во-первых, преимуществами, которые давало простое членство в артели (возможность иметь ЛПХ, пользоваться колхозными пастбищами), во-вторых – получением жизненно важных продуктов. В Западной Сибири колхозы играли ключевую роль в обеспечении крестьян зерном, соломой и сеном. Другие продукты сельского хозяйства (картофель, овощи, мясо и сало, молоко, шерсть) они получали в основном от личных подсобных хозяйств¹⁴. Тем не менее полностью положиться на колхоз как на источник достаточных для выживания средств крестьянство не могло. Основная проблема заключалась в нестабильности натуральных доходов. Так, например, неурожай 1940 г. и чрезмерное изъятие зерна в ходе хлебозаготовок привели в ряде районов Новосибирской области и Алтайского края к вспышкам голода¹⁵.

Потребность в промышленных (а в случае низких натуральных доходов от колхоза – и продовольственных) товарах вынуждала крестьян активно включаться в торговлю на колхозных рынках. Вышеприведенные данные о структуре доходов и расходов двора показывают, что траты на покупку промтоваров значительно превышали заработок от участия в колхозном производстве. Дополнительные денежные средства выручались за счет продажи продукции, работы по найму или в МТС. Однако усредненные данные очевидно маскируют неравенство колхозников в возможностях получения внеколхозных доходов. Преимуществом обладали артели, располагавшиеся вблизи крупных городов или путей железнодорожного сообщения. Для них были легкодоступны рынки сбыта сельхозпродукции. Благоприятные условия для ведения торговли действительно могли переключить внимание семьи от участия в колхозном производстве на ведение личного подсобного хозяйства. Кроме того, близость к центрам промышленного производства облегчала колхозникам возможность наняться на сезонную работу.

Вместе с тем отдаленность от городов или недоступность транспортной сети снижали возможности рыночной реализации продукции. Например, в 1939 г. в нескольких колхозах Доволенского района Новосибирской области благодаря обильному урожаю крестьяне получили на трудодни избыточное количество зерна. Не имея подготовленных мест для его длительного хранения, колхозники были заинтересованы в том, чтобы часть хлеба продать. Однако возможности для этого оказались весьма ограниченными. Базарные цены внутри района были слишком низкими (по причине низкого же спроса). Один из владельцев зерновых выразил это так: «Мясо я продам, масло – продам, молоко – продам, на эти продукты покупатель есть, а вот на хлеб покупателя нет»¹⁶. Доставить хлеб в крупные города, где спрос и цены были выше, крестьяне не имели возможности. В колхозах не хватало лошадей и подвод, а сам район был отдален от линии железной дороги на 120–160 км. Для таких колхозных семей потребность в деньгах и промтоварах была особенно острой, но удовлетворить ее было крайне сложно. Отдаленность от покупателя и неразвитость института торгового посредничества создавали серьезные препятствия. Один из колхозников прямо связывал стимул работать в колхозе с ростом денежного вознаграждения: «Дай мне 70 рублей в месяц, и я буду в колхозе работать»¹⁷.

Однако такие ситуации скорее имеют характер исключительный. Общая для предвоенного времени тенденция в той же Новосибирской области заключалась в сокращении год от года выдачи хлеба на трудодень. В 1937 г. доля зерна, которая шла на оплату труда в колхозах, составляла 29,1 % от общего объема урожая. В среднем каждый колхозник получал 4,2 кг зерна за трудодень. В 1938 г. первый показатель снизился до 23,8 %, а средняя оплата трудодня составила 3,3 кг зерна. В 1939 г. оба показателя упали еще больше: 16,7 % и 2 кг на трудодень соответственно. Наконец, в 1940 г. доля зерна, выделяемая на оплату

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 77. Л. 6.

¹⁵ Шаранов С.В. «...Ну, брат Вася, мне приходится здесь погибать, в Сибири»: голод в сельской местности Новосибирской области в 1940-е годы // Исторический курьер. 2024. № 4 (36). С. 163–176. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-4-13.pdf> (дата обращения: 07.02.2025).

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 26. Л. 83.

¹⁷ Там же.

труда, уменьшилась до 13,3 %, а средняя оплата трудодня – до 1,1 кг зерна¹⁸. Таким образом, за четыре года количество зерна, выдаваемого на трудодни, уменьшалось не только в абсолютном выражении, но и относительно общего урожая.

Основной причиной сокращения натуральных доходов крестьян в колхозах стало ужесточение хлебозаготовительной политики. В конце 1930-х гг. политическое руководство СССР готовилось к возможной большой войне. Нарком земледелия СССР И.А. Бенедиктов свидетельствовал, что мобилизационные планы разрабатывались за два года до начала фашистской агрессии¹⁹. По линии наркомата земледелия предполагалось создание стратегических резервов продовольствия, материально-технических средств, запасных частей, сортовых семян, металлов, горючего и химикатов. К январю 1941 г. государственные резервы и мобилизационные запасы зерна, муки и крупы составляли около 6 млн 162 тыс. тонн²⁰.

В соответствии с мобилизационными задачами строилась и государственная политика в отношении колхозного крестьянства. Первое ее направление – концентрация крестьянского труда на колхозных полях и фермах (введение обязательного минимума трудодней, сдерживание экономической активности за пределами колхозов). Второе направление – наращивание объемов изъятия продовольственной продукции путем государственных заготовок. Для крестьянства преобладание принудительных мер вкупе со снижением натуральных доходов негативно сказывалось на стимуле активного участия в колхозном производстве. Это приводило к демотивации и снижению производительности труда, что, в свою очередь, усугубляло экономические трудности.

Рыночная торговля в годы войны. Начало Великой Отечественной войны резко изменило ситуацию на колхозных рынках, вызвав стремительный рост цен на продовольственные товары. Это было следствием сократившегося предложения со стороны крестьянства – удержание продуктов питания в собственных хозяйствах стало естественной реакцией на начало кризисных времен. По данным 34 крупных городов СССР за первую декаду войны рыночная реализация ржаной муки сократилась в два раза, а пшеничной муки – почти в три раза. За первый месяц войны цены на муку выросли более чем на 20 %, молоко подорожало на 25 %, яйца – на 21 %²¹. Западная Сибирь (наряду с Центром, Поволжьем, Уралом и северными областями Казахской ССР) относилась к зоне интенсивного роста цен на все сельскохозяйственные продукты.

В дальнейшем на сокращение подвоза продовольственной продукции влияло падение спроса на деньги. Нарком торговли СССР А.В. Любимов писал в письме заместителю председателя СНК СССР А.И. Микояну, что «колхозники не заинтересованы в вывозе сельскохозяйственных продуктов для продажи на колхозных рынках»²². Причина заключалась в оскудении товарных фондов государственной и кооперативной торговли: «Создавшееся положение в основном объясняется тем, что колхозники, располагая значительными средствами, не в состоянии, вследствие резкого недостатка товаров широкого потребления, приобретать в магазинах госторговли и кооперации необходимые предметы»²³. Не имея возможности приобрести необходимые товары по государственным ценам, колхозники сталкивались с дефицитом и дороговизной на рынке. Вдобавок снижение натуральных доходов от работы в колхозах вынуждало крестьян активнее использовать ЛПХ под собственные потребительские нужды.

В сложившейся ситуации государство должно было стимулировать приток продовольствия на колхозные рынки. В тыловых регионах, где крупные города стали центрами сосредоточения эвакуированного населения, система централизованного снабжения продовольствием была не в состоянии удовлетворить все потребности. Жизненно важным было

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 35. Л. 49.

¹⁹ Куманев Г.А. Говорят сталинские наркомы. Смоленск, 2005. С. 370.

²⁰ Там же. С. 372.

²¹ Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945. М., 2003. С. 174.

²² Там же. С. 178.

²³ Там же.

принудить колхозное крестьянство продавать продукцию ЛПХ. Способом давления стало повышение налогов. В июле 1941 г. была установлена стопроцентная надбавка к сельхозналогу. В конце года надбавку отменили, но взамен вводился военный налог, который имел уже подушный характер. В 1943 г. сельхозналог вновь был повышен. В РСФСР нормы вмененной доходности возросли по зерновым культурам в 5 раз, по картофелю – в 4,4 раза, по овощам – в 4,8 раза, по коровам – в 3,5 раза, по овцам и козам – в 4,3 раза, по свиньям – в 3,8 раза²⁴. Дополнительно правительство инициировало государственные военные займы и денежно-вещевые лотереи. Приобретение облигаций займов и лотерей формально считалось добровольным делом, но местные власти, гнавшиеся за выполнением планов по их распространению, не стеснялись принудительных мер²⁵.

По данным ЦСУ по СССР, за 1940–1944 гг. денежные доходы сельскохозяйственного населения от работы в колхозах снизились, в то время как обязательства по налогам и займам возросли²⁶. Только за счет колхозных заработков расплатиться с государством было невозможно, что вынуждало крестьян включаться в торговлю. Следует понимать, что колхозники продавали отнюдь не излишки продовольствия – семья могла ограничивать себя в потреблении, но налоговые обязательства вынуждали изыскивать денежные средства.

С наибольшими трудностями сталкивались крестьяне отдаленных от крупных промышленных центров районов. А.В. Рыков, опираясь на воспоминания крестьян, собранные в ходе экспедиций в периферийные районы Алтайского края, описал типичные способы доставки товаров в города. Основным временем для торговли была зима, поскольку в период сезонных сельскохозяйственных работ надолго оторваться от собственного хозяйства было невозможно. В город отправлялись сообща, группами, состоявшими в основном из женщин. В некоторых случаях гужевой транспорт предоставлял колхоз, но чаще всего предстояло добираться пешком. Путь занимал несколько дней, зачастую через тайгу, преодолевая суровые погодные условия²⁷.

В лучшем положении находились близлежащие к административным центрам регионов колхозы. Там минимальные издержки на транспортировку продукции побуждали активнее включаться в торговые операции, зачастую в ущерб колхозному производству. Заместитель уполномоченного КПК по Новосибирской области В. Петляковский, обследовавший в 1944 г. ход уборочных работ в колхозах Искитимского района, примыкавшего к Новосибирску, отмечал: «Доходы колхозников от обобщественного хозяйства крайне незначительные. Так, в 1942 году в среднем по району колхозники получили на трудодень хлеба 530 грамм и денег по 82 копейки. Неполноценность трудодня членов сельхозартелей влечет за собой массовые нарушения трудовой дисциплины. В разгар сельскохозяйственных работ колхозники бросают работу в колхозах, едут в город для реализации на рынке по спекулятивным ценам сельскохозяйственных продуктов от своего хозяйства, а также ягод, грибов, рыбы»²⁸.

Встречный дефицит как продовольственных, так и промышленных товаров, спекулятивный характер ценообразования на рынках подталкивали владельцев товаров к прямому обмену, минуя денежный эквивалент. В уже упоминавшемся письме наркома торговли СССР А.В. Любимова отдельно отмечалось широкое распространение товарообменных операций: «Тысячи граждан устремляются в деревню для обмена подержанных домашних вещей на сельскохозяйственные продукты»²⁹. Во встречной «купле-продаже» участвовали не только частные лица, но и представители городских организаций или уполномоченные отделов рабочего снабжения крупных промышленных предприятий. Существуют свидетельства о том, насколько бойкой могла быть торговля непосредственно в колхозах. В будущем известный советский экономист В.Г. Венжер, в годы войны бывший аспирантом Института

²⁴ Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни... С. 64.

²⁵ Там же. С. 65.

²⁶ Советская повседневность и массовое сознание... С. 226–227.

²⁷ Рыков А.В. Торговля крестьян периферийных районов Алтайского края... С. 192.

²⁸ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-12. Оп. 1. Д. 51. Л. 60.

²⁹ Советская повседневность и массовое сознание... С. 178.

экономики АН СССР, обследовал в 1941 г. по заданию сельхозотдела ЦК ВКП(б) два колхоза Омской области. Он стал очевидцем бурной торговой жизни одной из артелей, которую описал в своей докладной записке: «В течение дня в конторе колхоза непрерывно толкается и топчется колхозный люд. Ясно, что в рабочее время здесь может находиться только тот, кто не в поле и не на работе, или тот, кто плохо работает и, придя в контору колхоза по делу, не спешит закончить свое дело и вернуться к работе. Когда вслушиваешься в разговоры, остается впечатление, что это не контора колхоза, а товарная биржа. <...>. Тому нужна капуста, тому лук, этому картофель, тот покупает кожсырье и пр. И присутствующие здесь колхозники и, следовательно, плохо работающие, раз в рабочее время они толкуются в конторе колхоза, а в особенности работники конторы колхоза, горячо обсуждают, куда лучше сдать продукты своего подсобного хозяйства. Многие говорят: “Мне не к спеху. Пусть полежит!” или “Лучше корове скормлю, чем вам отдам”»³⁰.

Стимул участвовать в рыночной торговле во время войны был существенно подорван инфляционными процессами, которые были особенно бурными в первые ее годы. Государство, пытаясь компенсировать лакуны централизованного снабжения продовольствием городского населения, использовало налоговый инструмент, чтобы привлечь крестьянскую продукцию на рынок. В таких условиях дворохозяйства даже в случае недостаточного потребления внутри семьи и высоких издержек транспортировки вынуждены были участвовать в торговле. Однако чем ниже были издержки, тем выгоднее для крестьян становились поездки на рынок. Кроме обязательств по налогам, крестьянство нуждалось в покупке товаров ширпотреба. Спекулятивный характер ценообразования приводил к распространению товарообменных операций, которые были взаимовыгодны для владельцев как продовольственных, так и промышленных товаров. Первые признаки стабилизации торговли обозначились только в последние годы войны. С 1943 г. в стране стало медленно восстанавливаться производство товаров народного потребления. Дефицит постепенно снижался как в рыночной, так и в государственной и кооперативной торговле³¹. В ответ крестьянство охотнее поставляло продовольствие в города.

Труд в колхозе и ЛПХ. Война усугубила проблему перетекания трудовой активности крестьянства в ЛПХ в ущерб колхозной экономике. Основной причиной было значительное сокращение поступлений зерна от колхозов в продовольственный бюджет семей. Выдача колхозникам хлеба на один трудодень в Западной Сибири в 1941 г. составила 1201 г, в 1942 г. – 489 г, в 1943 г. – 382 г, в 1944 – 563 г³². Влиял и дополнительный фактор: большинство семей в результате воинских призывов лишились мужчин-кормильцев. До войны наличие в семье нескольких трудоспособных членов позволяло распределять нагрузку работы в колхозе и на приусадебном участке. Теперь же распространенная ситуация отсутствия основного работника ставила семью перед выбором, от которого зависело ее выживание. Зачастую он делался не в пользу сомнительной перспективы колхозных заработков.

ЛПХ в годы войны по ряду экономических показателей демонстрировали лучшую динамику по сравнению с колхозами. Общая посевная площадь в личных подсобных хозяйствах колхозников Западной Сибири (в границах 1945 г.) увеличилась с 210,7 тыс. га в 1940 г. до 228,0 тыс. га в 1944 г.³³ (для сравнения, посевные площади в колхозах сократились с 10 688,9 тыс. га в 1940 г. до 7 368,0 тыс. га в 1944 г.³⁴). ЛПХ превосходили колхозы по динамике воспроизводства поголовья КРС. Если в колхозах оно сократилось с 2 258,3 тыс. голов в 1940 г. до 1402,7 тыс. голов в 1944 г. (данные на конец года), то в ЛПХ снижение было минимальным: 1315,0 тыс. голов в 1940 г. и 1 222,7 тыс. голов в 1944 г.

Опора исключительно на доходы от работы в артели могла привести семью к бедственному положению. Например, в 1943 г. колхозница Агафья С., имея пятерых детей в возрасте от 5 до 13 лет, выработала 800 трудодней, что значительно превышало установленную

³⁰ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7486. Оп. 1. Д. 3316. Л. 25.

³¹ Анисков В.Т. Жертвенный подвиг деревни... С. 128–136.

³² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1490. Л. 124.

³³ Там же. Л. 280.

³⁴ Там же. Л. 154.

государством норму. В итоге она не получила хлеба от артели, а дети страдали от недоедания³⁵. Колхозница Елена Л., имея пятерых детей и работая сторожем в колхозе, вырабатывала 500 трудодней. Не получив хлеба за свою работу, семья была вынуждена питаться падалью³⁶. Примеры показывают, что в наиболее тяжелом положении оказывались многодетные семьи, потерявшие кормильца. Матери в таких семьях не могли одновременно работать в колхозе, вести личное приусадебное хозяйство и заботиться о детях.

В таких условиях дворохозяйства объединяли усилия в борьбе за выживание. Примером такой взаимопомощи может служить наблюдение, сделанное В.Г. Венжером в одной из колхозных семей Омской области в 1941 г.: «Живя в семье добросовестно работающего колхозника, я наблюдал, как распределяется рабочая сила семьи. Семья состояла из пяти человек. Глава семьи являлся основным работником двора – он работал в колхозе плотником и вырабатывал наибольшее количество трудодней, дочь работала на ферме и сын шофером, мать и малолетняя внучка в колхозе не работали. Старуха вела все домашнее хозяйство, и семилетняя внучка ей помогала. После призыва сына в Красную армию этот двор кооперировался с другим родственным двором – двором другой дочери, которая после призыва ее мужа в Красную армию осталась одна с тремя малолетними детьми. Теперь семилетняя внучка превратилась в няньку. Целыми днями она находилась в семье своей тетки и присматривала за ее детьми, пока тетка работала в колхозе. На обязанности старухи лежало по-прежнему ведение своего домашнего хозяйства и присмотр за домом своей замужней дочери вплоть до питания детей. Старик и две его дочери продолжали ежедневно работать в колхозе. А ночами они совместными усилиями подвозили корма к двум своим усадьбам и дрова на зиму. Накануне выходного дня, в котором две родственные семьи, кооперировавшие силы в условиях войны, решили принять участие, ночью все члены семьи подготавливали продукцию своих подсобных хозяйств (чистили капусту, лук, перебирали картофель, паковали, укладывали и пр.) и улаживались по всем вопросам рынка – ценам на свои продукты и покупкам на рынке. Одна из дочерей с разрешения колхоза должна была рано утром выехать на базар»³⁷.

Взаимопомощь позволила этим дворам сохранить связь с колхозом, так как каждая семья имела работающего колхозника, выполняющего обязательный минимум трудодней. Вместе с тем поддерживались контакты и с рынком, что позволяло получать необходимый доход от продажи продукции. Без такой кооперации семья жены красноармейца с тремя детьми оказалась бы в значительно худших условиях.

Легче было дворам с несколькими трудоспособными членами, хотя вносить свою лепту в общий доход приходилось не только женщинам, но и престарелым и подросткам. Даже при таком распределении труда преимущество отдавалось отнюдь не работе в колхозе. Уполномоченный КПК по Новосибирской области И. Кузнецов следующим образом трактовал недостатки в работе колхозов во время весенней посевной кампании 1944 г.: «Плохое использование и низкая производительность живого тягла на пахоте объясняются тем, что пахарями работают преимущественно подростки, не имеющие опыта работы и ухода за конем. Взрослое население с первых дней посевных работ, при попустительстве руководящих работников, было занято на обработке собственных огородов, а на колхозных работах в поле почти не участвовало»³⁸.

Низведенные к минимуму экономические стимулы к артельному труду замещались принудительными мерами. Еще в 1939 г. обязанность отдавать силы колхозу закреплялась введением обязательного минимума трудодней. В 1942 г. он был повышен (с 80 до 120 для Западной Сибири). Колхозники, не выполнившие без уважительных причин обязательный минимум, предавались суду и выбывали из колхоза, лишаясь приусадебного участка. Помимо законодательно закрепленных принудительных мер, широкое распространение

³⁵ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 171. Л. 294.

³⁶ Там же.

³⁷ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 1. Д. 3316. Л. 57–58.

³⁸ ГАНО. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 50. Л. 44.

на местах получило прямое физическое насилие по отношению к крестьянам со стороны артельных должностных лиц (председателей, бригадиров).

Согласно спецсообщению управления НКГБ по Новосибирской области от 1944 г., военная цензура фиксировала значительное количество писем от семей военнослужащих, проживающих в сельской местности, в которых сообщалось о фактах насилия со стороны руководителей колхозов, совхозов и представителей местных органов власти. Например, А.Е. Вакулина писала своему родственнику: «...Председатель у нас Гришин И.А. беспощадно гонит на работу, а ходить совершенно не в чем. В рваных валенках выгнал меня насильно в поле. Пришла я на ток, а он схватил счеты и ударил меня по плечу – отбил руку, за то, что я пришла поздно. Я хотела написать жалобу прокурору, но боюсь, а то хуже будет». Другая колхозница описывала свои будни в колхозе следующим образом: «Работаем в колхозе день и ночь. Назар за малейшее неподчинение колхозников бьет, он гад выпил из нас всю кровь»³⁹.

Отношение колхозников к артельному труду в немалой степени зависело от того, насколько колхоз с его наличными земельными, трудовыми и техническими ресурсами был способен выполнять государственные задания. Производственная деятельность колхоза регулировалась директивными плановыми установками, артель не имела возможности самостоятельно решать, что производить, в какие сроки и в каких объемах, как распоряжаться доступными ресурсами. Адаптивные возможности сельхозартелей были настолько же ограничены, насколько ограниченным было пространство, в котором колхозы могли принимать самостоятельные решения. Прибавим к этому неспособность государства учитывать локальную специфику сельскохозяйственного производства (начиная от пригодности почв к выращиванию определенных культур и заканчивая трудообеспеченностью артелей). Низкий адаптивный потенциал колхозов вкупе с грубой директивной политикой порождал распространенный феномен «отстающих» колхозов, труд в которых для крестьян был совершенно бесперспективен с точки зрения возможности получения дохода.

Бессилие колхозов перед не зависящими от них обстоятельствами стало острее ощущаться после 1940 г., когда реформировали государственную заготовительную систему. Был введен так называемый погектарный принцип обязательных поставок основных сельскохозяйственных продуктов. Отныне единицей обложения становился каждый гектар закрепленного за колхозом земельного фонда без учета его освоения посевами. Позже данный принцип распространился и на заготовки животноводческой продукции. Их объемы зависели теперь не от поголовья стада, а также от площади приписанных к колхозу угодий (включая пастбища и луга). Нововведение должно было стимулировать максимальное хозяйственное использование всех доступных земель. Однако оно имело смысл только в случае достаточной обеспеченности колхозов рабочей силой и оснащенности МТС техникой. Дефицит и того и другого в годы войны неизбежно вел к переобложению артелей обязательными поставками. В наименее благоприятных условиях колхозы требовали от работников высокой интенсивности трудозатрат, но при этом не могли обеспечить даже минимальной их компенсации.

Тем не менее обстоятельства были разными. Например, по показателю нагрузки облагаемой земельной площади на один крестьянский двор колхозы находились в неравных условиях. В Новосибирской области она колебалась от 2 га в одних колхозах до 30 га и выше в других⁴⁰. Столь же разными были и объемы трудозатрат, которые требовались от одного крестьянина для поддержания экономики артели. Высокая нагрузка облагаемой земельной площади могла обесмыслить в глазах колхозников участие в артельных работах. Каждый из работников соотносил степень необходимых индивидуальных и коллективных трудозатрат с возможным доходом и потребностями семьи. В наименее благоприятных условиях добросовестное участие в артельном хозяйствовании не сулило ничего, кроме сверхинтенсивного труда без перспективы получить достаточный для выживания доход. В таких

³⁹ ГАНО. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 50. Л. 248–252.

⁴⁰ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 314. Л. 146.

«бесперспективных» артелях в первую очередь возникали проблемы с трудовой дисциплиной. Приведем типичное описание таких колхозов, содержащееся в справке прокуратуры Новосибирской области о выполнении постановления СНК СССР «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней» от 25 февраля 1944 г.: «Организация труда поставлена отвратительно. Как правило, накануне рабочего дня правлениями колхозов наряды на работу не составляются. Назначения на работу даются только утром путем подворных обходов, разыскивания отдельных колхозников, вызова их в контору колхоза. При такой постановке трудовая дисциплина падает; лодыри и тунеядцы приступают к порученной им работе в 10–11 часов утра. В период рабочего дня не контролируются. Работу кончают, не выполнив заданий, в 3–4 часа дня и зачастую остаются безнаказанными»⁴¹.

Формы кооперации и учета труда в колхозе не позволяли с точностью определить индивидуальный вклад в производство каждого из работников. Это позволяло крестьянам экономить собственный трудовой ресурс, прибегая к разнообразным практикам имитации труда, некачественного и несвоевременного выполнения работ. В.Г. Венжер приводит рассказ И. Маляки, работавшей в колхозе им. Тараса Шевченко Омской области: «Учет у нас поставлен плохо. Работу не замеряют. Нас несколько женщин работало на скирдовании. Первый день мы работали средне, не особенно старались. Вечером приходит учетчик и записывает нам по 1,16 трудодня. Мы говорим ему, что это мало, мы сделали больше. А он отвечает, ничего, я вас не обижу. На следующий день мы почти не работали, пролежали и проговорили. Вечером опять приходит учетчик и пишет нам по 1,16 трудодня. На третий день надоело нам лежать и я говорю: “Ну, бабы, давайте поработаем по-настоящему!” Страсть захотелось поработать, тут никаких норм на нас не хватит. Опять приходит учетчик и пишет нам по 1,16 трудодня. Вот какой у нас учет»⁴².

Уравнильность в начислении трудодней, невнимание к качеству выполненных работ бросались в глаза горожанам, которых мобилизовали в помощь колхозам на полевые работы. Приведем отрывок из докладной записки Г.И. Голика, возглавлявшего бригаду Облгосстраха, направленную на уборочные работы в колхоз «Красный маяк» Новосибирской области в 1941 г.: «Тов. Корниенко (бригадир) не знает своих людей, не интересуется, кто из них как работает, как он живет и в чем нуждается. Ко всем он относился в одинаковой мере грубо, занимается дерганьем рабочей силы с одной работы на другую <...> При чем работа принимается им безо всякого учета – на глазок. Табель трудодней в большинстве случаев составляется со слов самих работающих, а нередко и самостоятельно, как говорит он – “приблизительно”. Поэтому нередко получается, что лентяи вырабатывают трудодней больше, нежели честные колхозники, а лучшие люди наоборот. Только поэтому передовые колхозники не желают работать в его бригаде, он противопоставляет людей сам себе <...> А в силу этого бывают случаи, а вернее имеются такие случаи, когда отдельные колхозники, хорошо ранее работающие, начали плохо работать, говоря, что все равно “работай хорошо или плохо, но больше не заработаешь”. А от этого страдает и дело в колхозе»⁴³.

В целом нагрузка колхозной работы на одного трудоспособного в годы войны возросла. Уход мужчин на службу в армию или на работу в промышленность перекладывал основную тяжесть артельных повинностей на остаток сельского населения. В Омской области среднее количество трудоспособных на один колхоз сократилось со 114 чел. на начало 1941 г. до 80 чел. к 1943 г. (или на 30 %). Количество мужчин за это же время снизилось на 70 %⁴⁴. В связи с этим резко возросла нагрузка посевных площадей на одного трудоспособного: с 5,5 га в 1940 г. до 7,1 га в 1942 г. (в некоторых колхозах нагрузка доходила до 17,5 га)⁴⁵. Количество выработанных трудодней на одного работника (не считая подростков) увеличилось с 296 в 1940 г. до 321 в 1942 г. Средняя выработка у мужчин увеличилась на 21 трудодень, у женщин – на 76 трудодней. Наибольший прирост трудодней в 1940–1942 гг. произо-

⁴¹ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 184. Л. 87.

⁴² РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 1. Д. 3316. Л. 75–76.

⁴³ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 5. Д. 360. Л. 144.

⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 293. Л. 49.

⁴⁵ Там же. Л. 56.

шел по категории подростков. В среднем подросток в 1942 г. выработал на 80 трудодней больше, чем в 1940 г. Всего в 1942 г. колхозниками было выработано 140 072 трудодня, что составляло 94,9 % по отношению к 1940 г.⁴⁶

Несмотря на то, что экономика большинства колхозов находилась в плачевном состоянии, для крестьянской семьи сохранение связи с артелью оставалось жизненно важным. Пускай эта связь и не означала желание трудиться с полной самоотдачей, а зависимость семьи только от колхозных доходов грозила голодной смертью. Принадлежность к колхозу открывала доступ к пользованию личным подсобным хозяйством, а также к интеграции в межсемейные сети взаимопомощи, скреплявшие родственников и односельчан. Кроме того, слабый государственный контроль над колхозной продукцией и ресурсами позволял, хотя и в нарушение закона, присваивать себе их часть. Такие нежелательные для государства проявления колхозной жизни все-таки предотвращали даже «отстающие» колхозы от полного распада.

Закключение. Экономика колхозного двора строилась на неформальных взаимоотношениях внутри крестьянской семьи и подчинялась задаче совместного выживания ее трудоспособных и нетрудоспособных членов. В отличие от колхоза, вклад каждого в общий доход был заметен и жизненно важен. Даже временная потеря основного работника могла внести непоправимый дисбаланс в экономику двора. Под угрозой такой перспективы активировались межсемейные сети взаимопомощи.

Распределение труда и обязанностей подчинялось внутренней логике и рациональности семейного хозяйственного уклада. Активность участия одного или нескольких членов семьи в колхозном производстве зависела от степени доходности таких трудозатрат и доступности альтернатив (торговля на рынке, сезонные работы по найму и т.д.). Государство, наращивая мобилизационное давление на колхозную деревню, шло по пути ограничения альтернативных способов получения дохода и усиления принудительных мер. Последние скорее затрудняли для крестьян борьбу за выживание, а поэтому наталкивались на различные формы пассивного сопротивления (имитация труда, некачественное и несвоевременное выполнение работ). То, в чем власть усматривала «тунеядство» и «отлынивание» от работы, на наш взгляд стоит расценивать как вполне рациональное крестьянское поведение, позволявшее высвобождать часть ограниченного семейного трудового ресурса, которую можно было направить на борьбу за выживание. Труд в ЛПХ в этом отношении приносил наибольшую пользу. Однако и здесь государство нашло возможность использовать крестьянские ресурсы в своих интересах. Чтобы вынудить колхозников продавать часть продукции на рынке, государство использовало налоговый механизм. Тем не менее крестьянские семьи были привязаны к колхозам. Членство в них гарантировало право на владение ЛПХ. Однако существовала и неформальная сторона – прямой доступ к продукции и другим ресурсам артели открывал возможности для незаконного их присвоения.

Литература

Аграрная политика советского государства и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг.: документально-монографическое издание / ред. В.А. Ильиных, О.К. Кавцевич. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2011. 608 с.

Анисков В.Т. Жертвенный подвиг деревни. Крестьянство Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск: Ин-т истории, 1993. 243 с.

Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1970. 457 с.

Зинич М.С. Будни военного лихолетья, 1941–1945. Вып. 1. М.: ИРИ, 1994. 125 с.

Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск: Ин-т истории ОИИФФ СО РАН, 2004. 165 с.

Корнилов Г.Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1990. 221 с.

⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 293. Л. 58.

Куманев Г.А. Говорят сталинские наркомы. Смоленск: Русич, 2005. 632 с.

Мотревич В.П. Вклад в Победу: сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург: Альфа Принт, 2021. 700 с.

Рыков А.В. Социальная структура сельского населения Алтайского края в годы Великой Отечественной войны: состав, правовое и материальное положение // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2019. № 3 (23). С. 121–131.

Рыков А.В. Торговля крестьян периферийных районов Алтайского края в соседних регионах как адаптационная практика в годы Великой Отечественной войны по материалам устной истории // Исторический курьер. 2020. № 5 (13). С. 187–195. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-5-16.pdf> (дата обращения: 07.02.2025).

Советская повседневность и массовое сознание 1939–1945 / сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. М.: РОССПЭН, 2003. 470 с.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы / отв. ред. В. Данилов. М.: РОССПЭН, 2006. Т. 5: 1937–1939. Кн. 2: 1938–1939. 701 с.

Шарапов С.В. «...Ну, брат Вася, мне приходится здесь погибать, в Сибири»: голод в сельской местности Новосибирской области в 1940-е годы // Исторический курьер. 2024. № 4 (36). С. 163–176. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-4-13.pdf> (дата обращения: 07.02.2025).

References

Aniskov, V.T. (1993). *Zhertvennyy podvig derevni. Krest'yanstvo Sibiri v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [The Sacrificial Feat of the Village. Peasantry of Siberia during the Great Patriotic War]. Novosibirsk, Institut istorii SO RAN. 243 p.

Arutyunyan, Yu.V. (1970). *Sovetskoe krest'yanstvo v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Soviet Peasantry during the Great Patriotic War]. Moscow, Nauka. 457 p.

Danilov, V. (Ed.). (2006). *Tragediya sovetskoj derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. Dokumenty i materialy. Tom 5: 1937–1936. Kniga 2: 1938–1939* [Tragedy of the Soviet Village. Collectivization and Dispossession. Documents and Materials. Vol. 5: 1937–1936. Book 2: 1938–1939]. Moscow, ROSSPEN. 701 p.

Il'inykh, V.A. (2004). *Nalogovo-podatnoe oblozhenie sibirskoj derevni. Konets 1920-kh – nachalo 1950-kh godov* [Taxation of the Siberian Village. Late 1920s – Early 1950s]. Novosibirsk, Institut istorii OIIF SO RAN. 165 p.

Il'inykh, V.A., Kavtsevich, O.K. (Eds.). (2011). *Agrarnaya politika sovetskogo gosudarstva i sel'skoe khozyaystvo Sibiri v 1930-e gg.: dokumental'no-monograficheskoe izdanie* [Agrarian Policy of the Soviet State and Siberian Agriculture in the 1930s: Documentary and Monographic Publication]. Novosibirsk, Institut istorii SO RAN. 608 p.

Kornilov, G.E. (1990). *Ural'skaya derevnya v period Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 g.)* [Ural Village during the Great Patriotic War (1941–1945)]. Sverdlovsk, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 221 p.

Kumanev, G.A. (2005). *Govoryat stalinskie narkomy* [Stalin's Commissars Say]. Smolensk, Rusich. 632 p.

Livshin, A.Ya., Orlov, I.B. (Comp.). (2003). *Sovetskaya povsednevnost' i massovoe soznanie 1939–1945* [Soviet Everyday Life and Mass Consciousness 1939–1945]. Moscow, ROSSPEN. 470 p.

Motrevich, V.P. (2021). *Vklad v Pobedu: sel'skoe khozyaystvo Urala v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Contribution to the Victory: Ural Agriculture during the Great Patriotic War]. Yekaterinburg, Al'fa Print. 700 p.

Rykov, A.V. (2019). Sotsial'naya struktura sel'skogo naseleniya Altayskogo kraja v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: sostav, pravovoe i material'noe polozhenie [Social Structure of the Rural Population of Altai Krai during the Great Patriotic War: Composition, Legal and Material Situation]. In *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki*. No. 3 (23), pp. 121–131.

Rykov, A.V. (2020). Torgovlya krest'yan periferiynykh rayonov Altayskogo kraya v sosednikh regionakh kak adaptatsionnaya praktika v gody Velikoy Otechestvennoy voyny po materialam ustnoy istorii [Trade of Peasants of Peripheral areas of Altai Krai in Neighboring Regions as an Adaptation Practice during the Great Patriotic War on the Materials of Oral History]. In *Istoricheskiy kur'er*. No. 5 (13), pp. 187–195. Available at: URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-5-16.pdf> (date of access 07.02.2025).

Sharapov, S.V. (2024). "...Nu, brat Vasya, mne prikhoditsya zdes' pogibat', v Sibiri": golod v sel'skoy mestnosti Novosibirskoy oblasti v 1940-e gody ["...Well, Brother Vasya, I have to Die Here, in Siberia": Famine in Rural Areas of the Novosibirsk Region in the 1940s]. In *Istoricheskiy kur'er*. No. 4(36), pp. 163–176. Available at: URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-4-13.pdf> (date of access 07.02.2025).

Zinich, M.S. (1994). *Budni voennogo liholet'ya, 1941–1945* [Everyday Life of the Military Hardship, 1941–1945]. Iss. 1. Moscow, IRI. 125 p.